

Спустя некоторое время он тихо произнес:

— Гу Хуай, может, мне все же стоит завтра заняться поиском работы? Я что-нибудь придумаю с документами и остальным.

Гу Хуай прыснул со смеху. Возможно, дело было в выпитом алкоголе, но в его взгляде читалась особая сентиментальность:

— Чего ты боишься? Даже если ты мне отказал, я не собираюсь выставлять тебя за дверь. Посмотри на себя: ты здесь совсем один, помощи ждать неоткуда. Как ты собираешься выживать, если покинешь дом Гу?

Му Цы недовольно поджал губы и промолчал. Гу Хуай, словно не заметив этого, продолжал болтать о том о сём. Му Цы же отличался сильным чувством собственного достоинства, и недавние слова задели его, поэтому он не желал поддерживать разговор. Раз не хотелось говорить, он просто молча прикладывался к бокалу.

Му Цы только что пил красное вино, а теперь добавил к нему ром. От такой смеси хмель ударил в голову мгновенно. Всего за несколько секунд сознание помутилось, ясный взгляд сменился туманом. Му Цы сидел, подперев голову рукой, и слегка покачивался, выглядя совершенно потерянным.

Увидев его состояние, Гу Хуай, чьи глаза до этого тоже были подернуты хмелем, мгновенно протрезвел.

— Му Цы? — осторожно позвал он.

Му Цы лишь растерянно поднял на него глаза, в которых не было ни капли осмысленности.

Действительно пьян! В душе Гу Хуая всколыхнулось ликование. Он протянул руку и коснулся лица Му Цы. Тот не отстранился и не стал сопротивляться, напротив, ощутив прохладу ладони Гу Хуая, он даже счел ее приятной и подался навстречу, потираясь щекой.

Гу Хуай приподнял бровь и, решив воспользоваться моментом, заключил Му Цы в объятия, а его правая рука бесцеремонно скользнула под одежду.

— Только что холодно отказывал мне, а как выпил — сразу таким стал? — Гу Хуай, совершенно не осознавая, что сам же и напоил Му Цы, сердито упрекнул его.

Му Цы в замешательстве поднял голову, и лицо Гу Хуая оказалось прямо перед ним. В этот миг память Му Цы внезапно вернулась в его двадцать два года — год, когда они с Цзи Юньшу были ближе всего, когда между ними еще не было ни отчуждения, ни предательства, и они оставались лишь тайными любовниками.

— Цзи... Юньшу...

Му Цы пробормотал это так тихо, что Гу Хуай не расслышал. Он был полностью поглощен своим триумфом и, чувствуя себя абсолютно удовлетворенным, склонился, чтобы поцеловать его в губы.

Мягкие, словно лепестки цветов, губы сводили с ума. Гу Хуай изо всех сил сдерживал внутреннюю жестокость, стараясь целовать нежно, меняя углы и дразня чувства Му Цы. Тот был настолько пьян, что едва приоткрыл глаза, позволяя Гу Хуаю обнимать и целовать себя.

Гу Хуай в нетерпении начал покусывать его белоснежную шею. Наконец, Му Цы, измученный этим, тихо простонал и сбивчиво прошептал:

— Цзи Юньшу...

Услышав это имя, Гу Хуай раздраженно нахмурился. Он прижал Му Цы спиной к себе и, не сдержавшись, с силой хлопнул его по ягодицам:

— Щенок, ты кого сейчас назвал?!

Му Цы от боли всхлипнул и, полузабытым вцепившись в одежду Гу Хуая, пробормотал:

— Юньшу... больно, не бей...

Глядя на то, как искренне и безраздельно тот ему доверяется, Гу Хуай ощутил, как жгучая ревность, подобно ядовитой змее, обвила его сердце, впрыскивая яд в самые уязвимые места. Цзи Юньшу — это определенно мужское имя. Неужели Му Цы так сильно любит этого человека, что поэтому не желает отвечать на его ухаживания?

Гу Хуай резко сжал подбородок Му Цы. Недавние ласковые поцелуи в одночасье стали грубыми. Му Цы бессильно сопротивлялся, издавая под его напором стоны, похожие на всхлипы. Гу Хуай пристально смотрел на него. Этот человек был до того хрупким — стоило взглянуть на тонкие, белые запястья, упирающиеся ему в грудь, казалось, приложи чуть больше силы, и они переломятся. Он был словно хрупкий теплый нефрит, который мог защитить только он, и который принадлежал только ему!

Гу Хуай перехватил его запястья и притянул к себе:

— Посмотри внимательно, кто я такой? Ну?

Му Цы моргнул, его глаза подернулись дымкой, он приоткрыл рот, обнажив алые губы:

— ...Юньшу, Юньшу.

Он продолжал звать Цзи Юньшу, прижимаясь к груди Гу Хуая. Его разум был затуманен

алкоголем, и сейчас Му Цы находился в своих двадцати двух годах, где не было Гу Хуая и предательства, а был лишь верный телохранитель Цзи Юньшу.

Аура Гу Хуая в этот миг стала пугающе мрачной. Почему? Почему, когда Му Цы смотрит на него, он всегда такой холодный и отстраненный, а этому так называемому Цзи Юньшу так доверяет и тянется к нему?

Гу Хуай резко прижал Му Цы к обеденному столу и, склонившись к самому уху, прошептал низким, опасным голосом:

— Му Цы, я — Гу Хуай. Запомни это.

Му Цы склонил голову набок, с недоумением глядя на него. Из-за выпитого вина его лицо покраснелось, и он выглядел еще прекраснее. Гу Хуай глубоко вздохнул и принялся медленно расстегивать одежду Му Цы.

Вскоре Му Цы от боли заплакал, всхлипывая от обиды. Двадцативосьмилетний Гу Хуай впервые в жизни, словно неопытный юнец, в растерянности принялся целовать его лицо, слизывая горькие, кристальные слезы.

— Не плачь, я буду хорошо к тебе относиться, — Гу Хуай сжал ладонь Му Цы и произнес низким голосом: — Клянусь.

...

Гу Хуай не давал ему покоя до самого рассвета. С тех пор как Му Цы появился в его жизни, он сдерживал свои желания, и сегодня ночью его прорвало. Однако в шесть утра Гу Хуай, как обычно, открыл глаза. Му Цы в его объятиях спал крепким сном, слегка нахмурившись и ровно дыша.

Гу Хуай улыбнулся и с довольным видом притянул его ближе, пока их тела не слились в одно.

— Вы, люди из древности, так печетесь о целомудрии, верно? Теперь, когда я овладел тобой, ты должен всем сердцем принадлежать мне, так ведь?

Спустя некоторое время он придвинулся ближе и поцеловал его в лоб, тихо рассмеявшись:

— Впрочем, не бойся, я никогда не брошу свою верную супругу.

Он взял руку Му Цы и надел на его безымянный палец обручальное кольцо.

— Сначала мы обручимся, а как только оформим тебе документы и удостоверение личности, сразу сыграем свадьбу. Какую церемонию ты хочешь? В западном стиле или в традиционном? Хотя, можно устроить обе, а потом улететь за границу в медовый месяц. Что думаешь?

Му Цы не отвечал, погруженный в глубокий сон. Гу Хуай, увлеченный собственным монологом, проговорил еще долго, прежде чем с нежностью убрал прядь волос с лица Му Цы и прошептал:

— Ладно, спи дальше, не буду тебя беспокоить.

Он взял книгу, прислонился к изголовью кровати и принялся читать, свободной рукой лениво перебирая волосы Му Цы.

Прошло еще два часа, прежде чем Му Цы очнулся. Похмелье вызывало легкую пульсацию в висках, но эта боль быстро сменилась другой, более тягучей: поясница ныла, внизу живота чувствовалась тупая боль, а синяки на теле красноречиво свидетельствовали о безумии минувшей ночи.

Му Цы резко сел в постели и с изумлением уставился на Гу Хуая.

— Это... что здесь произошло?!

<http://bllate.org/book/18692/1806460>